

В настоящий момент этот долг растет как на дрожжах. Чтобы погасить ранее взятые долговые обязательства, американская федеральная резервная система должна **ежедневно** выпускать более 1 млрд. долларов денежной эмиссии. Сам механизм денежной эмиссии в Америке устроен очень просто, это действительно финансовая пирамида. Люди, которые в федеральной резервной системе определяют, сколько денег нужно напечатать в каждый квартал, это те же люди, которые сидят в Комиссии по ценным бумагам США и определяют, сколько нужно занять денег на рынке для того, чтобы закрыть бюджетный дефицит. Поэтому, естественно, они печатают ровно столько денег, сколько им нужно для покрытия бюджетного дефицита, и эмитируют, соответственно, такое же количество долларов в обмен на эмиссию такого же количества ценных бумаг.

Таким образом, мы имеем сегодня ситуацию серьезной дестабилизации мировой финансовой системы. Рискну предположить, что вследствие того, что эта финансовая пирамида, как и любая другая, обречена на саморазрушение, пределы этого саморазрушения уже близки. Мировая экономика уже не может воспринимать тот объем долларов, который вынуждена эмитировать американская денежная система. Причем она вынуждена его эмитировать, чтобы избежать банкротства, она не может остановиться. Поэтому никакой управляемости в ближайшее время не предвидится. А мировой рынок не может поглощать такое количество мировой резервной валюты, она ему не нужна в таких объемах. И разрушаются финансовые рынки, которые являются главными абсорбентами долларовой массы. Мы видим, насколько неустойчивы стали рынки ценных бумаг в Европе и Америке. Финансовый спекулятивный капитал перетекает на сырьевые рынки. Собственно говоря, нефть, которой торгуют сегодня на фьючерсном рынке, — это чисто спекулятивный инструмент, такой же, как цветные металлы, как наиболее энергоемкие биржевые товары, способные выступать в роли "кладов денег". Они стали дополнительным инструментом связывания избыточной долларовой массы, и финансовые спекулянты переходят с рынков ценных бумаг, с фиктивных рынков на рынки реальные, которые кажутся более надежными. Одновременно идет переток спекулятивного капитала на рынки недвижимости. То есть спекулятивный капитал ищет более надежные сферы сохранения своих сверхприбылей, самовоспроизводства в ситуации, когда традиционная сфера ценных бумаг теряет устойчивость.

К чему все это ведет? Я перехожу к главным составляющим прогноза. Конечно, экономики развитых стран в ответ на резкий рост цен на энергоносители и колоссальную неопределенность с дальнейшей ценой на нефть начинают осуществлять быстрые структурные сдвиги. Структурные сдвиги основаны на ключевых технологиях новейшего технологического

уклада. Этот технологический уклад уже есть в виде разработок. Некоторые направления уже бурно развиваются — скажем, такие, как биотехнология, генная инженерия. Этот технологический уклад будет сопровождаться дальнейшим ростом информационных услуг, переходом к экономике знаний, расширением услуг в сфере образования. И отдельные ключевые направления этого новейшего технологического уклада сегодня расширяются очень быстро. Например, объем применения биотехнологий на основе генной инженерии и фармацевтики удваивается каждый год. В сельском хозяйстве генная инженерия сегодня абсолютно доминирует в целом ряде отраслей растениеводства. Это ведет к резкому повышению эффективности производства товаров. Не буду много рассуждать о том, к чему ведет микроэлектронная революция, всеобщая автоматизация — все это ведет к резкому повышению эффективности производства и к резкому повышению эффективности энергопотребления. Причем структурный сдвиг идет в пользу отраслей, которые вообще малоэнергоемкие.

Например, будущее мировой экономики можно проследить по сегодняшней структуре расходов на НИОКРы. Если, скажем, 50 лет назад в НИОКРах доминировала физика, особенно ядерная физика, то сегодня расходы на физику и космос вместе взятые в Америке меньше, чем расходы на медицинскую науку. То есть в экономике идет сдвиг в сторону человеческих потребностей: здоровье, продолжительность жизни, комфортность жизни начинают играть доминирующую роль в структуре конечного спроса. Это означает, что с переходом к экономике знаний и гуманизации экономики спрос на энергоносители будет падать. С падением спроса на энергоносители будут падать и цены. Я сейчас не могу в силу отсутствия времени и точной информации дать сопоставительный анализ того, как на этом фоне будет развиваться финансовый кризис. Потому что крах доллара, о котором здесь уже упоминалось и который на наших глазах на самом деле уже постепенно происходит, вряд ли примет форму дефолта — обесценивание в три, четыре раза в течение одной недели. Доллар будет падать постепенно, ступенями. Но то, что бурный рост текущих цен на нефть не будет соответствующим образом сопровождаться ростом в постоянных ценах, для меня очевидно. То есть мир будет абсорбировать спекулятивную массу, но инфляция будет означать, что инфляция на рынке энергоносителей просто будет задавать тон инфляции во всей остальной экономической системе.

Одновременно со сдвигами в структуре экономики, которые приведут к снижению спроса на энергоносители, произойдут сдвиги и в структуре самого энергопотребления. Сейчас есть долгосрочная тенденция замещения нефти природным газом, и встает вопрос: что будет дальше? А по-

сколько у нас углеводороды заканчиваются, начинается водород (исходя из той закономерности, что чем больше водорода, тем меньше углерода), и очевидно, что это дает дополнительные преимущества ядерной энергетике, которая, собственно говоря, является главным производителем водорода с точки зрения имеющихся на сегодняшний день потенциально возможных технологий. Поэтому в структуре энергопотребления будет расти и дальше доля природного газа, который станет моторным топливом. В мире ведется масса новых разработок месторождений газа с ориентацией на его сжижение и на поставку в виде сжиженного газа, в том числе для Европы. Конечно, будут развиваться при таких ценах альтернативные источники энергии на основе возобновляемых технологий.

Что делать нам в ситуации, когда спрос на энергоносители будет снижаться, а цены на них в то же время за счет спекулятивного фактора и разрушения финансовой системы будут расти и достаточно бурно при таких ценах будут появляться новые альтернативные источники энергии? В этой ситуации серьезной неопределенности нам не стоит торопиться принимать на себя какие-либо жесткие обязательства. А Энергетическая хартия — это довольно жесткие обязательства. И если инициатива В. Путина будет воспринята как стремление России заключить долгосрочные договоры с Европой на 20—30 лет по поставкам энергоносителей, да еще зафиксировать там какие-то штрафные санкции (если мы вдруг не будем эти условия выполнять), то это будет очень близорукая и опасная политика. Мы можем столкнуться здесь с тем, что все это станет для нас невыгодно и неэффективно уже через несколько лет.

Нужно действовать крайне осторожно. Если сегодня есть возможность получать сверхприбыли от экспорта нефти и газа, то нужно эти сверхприбыли вкладывать в научно-технический прогресс. Здесь об этом уже говорилось. И я целиком согласен и с Юрием Юрьевичем Болдыревым, и с другими, которые говорили о том, что нам необходимо использовать природную ренту в целях повышения конкурентоспособности нашей экономики и осваивать передовые технологии (они, кстати, будут носить антиинфляционный характер, потому что будут требовать меньше ресурсов, меньше затрат).

Если же мы не в состоянии, как показывает нынешнее Правительство, вложить деньги эффективно, то лучше и не экспортировать нефть и газ, а, наоборот, накапливать их запасы, как это делают Соединенные Штаты, или резервировать их месторождения. Возникает вопрос: в какой валюте накапливать деньги? Здесь коллега Мудрецов присутствует. Я думаю, что он мог бы рассказать о том, какой объем природной ренты у нас возникает при нынешних ценах. По его расчетам, в 2003 году природная рента была, если не ошибаюсь, 40 млрд. долларов. Значит, сейчас она, на-

верное, в два раза выше. А наш Центральный банк и Правительство ухитрились вывезти за рубеж в прошлом году около 100 миллиардов в виде прироста валютных резервов. И Стабилизационный фонд собираются вывозить за границу. То есть вся эта природная рента, по сути, улетучивается в обесценивающийся доллар. Это совершенно бессмысленный экспорт. Более того, возник макроэкономический парадокс. Мы видим, что чем больше мы валютной выручки получаем от экспорта нефти и газа, тем меньше кредитных ресурсов остается для других отраслей экономики, потому что чем больше Центральный банк стерилизует денег, тем больше теряет бюджетная сфера, теряют образование и наука из-за отсоса денег в Стабилизационный фонд, и предложение кредитных ресурсов для внутренне ориентированных отраслей становится меньше. Потому что Центральный банк вынужден обналичивать валюту нефтяникам-газовикам и стерилизовать деньги на других сегментах валютного рынка.

В этой ситуации возникает уникальная возможность быстро добиться того, чтобы рубль стал мировой резервной валютой. У нас на 1 рубль, который работает, 3 рубля в резервах, такого резервирования не знает ни одна страна мира и никогда не знала в экономической истории. У нас есть уникальная возможность, коль скоро мировая экономика пока не перестроилась на новые технологические уклады (а без нашей нефти и газа Европа не проживет), не просто предложить Европе наши услуги в части особой роли в энергопотреблении, но обусловить это тем, что мы будем продавать все за рубли. Потому что у нас нет уверенности ни в долларе, ни в евро. И куда эти деньги вкладывать сегодня, непонятно. Они обесцениваются быстрее, чем проценты по этим активам. Поэтому максимально важное преимущество, которое мы могли бы сегодня реализовать, используя ситуацию, — это добиться своего "места под солнцем" в числе стран, которым разрешено эмитировать мировую валюту. Таких центров сегодня всего три — Америка, Европа и Япония. Мы тоже имеем право поставить вопрос о том, чтобы признали рубль в качестве мировой резервной валюты, и начать эмиссию мировых денег с очень выгодных для нас позиций. Тем более что встреча "восьмерки" специально посвящена финансовым вопросам. Конечно, то, что наш Президент выступил с энергетической инициативой, — это нечто новое для "восьмерки". Обычно они обсуждают финансовые вопросы.

Самое главное — не брать на себя никаких обязательств в этой ситуации. Не брать обязательств по доступу к недрам. Потому что закон о недрах, который сейчас продвигается в Государственной Думе, очень опасен в сочетании с Энергетической хартией. Принятие закона о недрах приведет к тому, что наши недра скорее всего будут куплены транснациональными корпорациями, потому что хотя в законе о недрах фиксируется

госсобственность на недра, но права на использование недр можно будет продавать и покупать на рынке. Так в законе написано, он принят в первом чтении. Права можно покупать и продавать. И государство будет только фиксировать передачу этих прав. Причем никаких ограничений на иностранный капитал здесь нет. А Энергетическая хартия отсутствие этих ограничений зафиксировывает. Вот мы какой закон о недрах примем! Нельзя брать обязательства по снабжению кого бы то ни было нашими энергоносителями, особенно если нет фиксации цены. Потому что может оказаться так, что в недалеком будущем мы будем снабжать энергоносителями Европу при падающих ценах.

И последнее. Нужно все эти вопросы рассматривать в комплексе. Но у нас, уважаемые коллеги, сегодня нет информации, необходимой для того, чтобы все эти сюжеты связать в единую комплексную политику в силу их чрезвычайно высокой неопределенности. Поэтому нужно стремиться к комплексному экономическому прогнозу и соответствующей системной экономической политике. Мы должны понимать, что сегодня неопределенность настолько велика в сфере цен на энергоносители и спроса на энергоносители, что прежде, чем что-то кому-то обещать, нужно очень и очень подумать.

В. Рубанов. Мне кажется, глобальные проблемы российской экономики сегодня известны. Можно назвать две наиболее очевидные: чрезмерный объем сырьевой составляющей российской экономики и "утечка умов" из России, деградация ее научно-технического, производственно-технологического потенциала. Не буду говорить о причинах, о том, что требуется модернизация российской промышленности. Это вещи достаточно очевидные.

Сложилась в какой-то мере конфликтная ситуация. Одни говорят о том, что у нас сырьевая отрасль губит экономику. Другие говорят, что нужно переходить к высокой стратегии развития в отрыве от сырьевой экономики. Мне кажется, что в той ситуации, которую мы обсуждаем, чрезвычайно важно перейти от противопоставления интеллектуального потенциала сырьевому к их интеграции. Поэтому единственная цель России при столь сложившихся геоэкономических реальностях может быть сформулирована как технологическое лидерство в энергетическом секторе мировой экономики для осуществления полномасштабного перехода России к постиндустриальному развитию и, соответственно, глобальному статусу страны как влиятельного члена мирового сообщества. Объективными предпосылками для такой постановки проблемы являются глобальное расширение спроса на энергоресурсы, сокращение их запасов, возрастание влияния энергетики на политику, ратификация Киотского протокола в сфере экологической безопасности, создание новых технологий

и генерации энергии на основе топливных элементов, масштабные исследования, которые ведутся во всем мире по новым энергетическим технологиям, и активная работа многих стран в области энергосбережения. Это тот объем технологических проблем, который сопровождает процесс усиливающегося влияния энергосферы на мировую экономику. Поэтому в сложившихся условиях топливно-энергетический комплекс может и должен стать сферой инновационной активности, сферой организации производства и основой качественного экономического роста и расширения геополитического влияния страны. На уровне лозунга я бы сформулировал задачу так: Россия должна перейти от роли поставщика энергоресурсов к лидерству в энергетических технологиях.

Если мы здесь сравниваем Россию с Саудовской Аравией, то при этом говорим, что Саудовская Аравия не является сверхдержавой и не может даже стать "энергетической сверхдержавой". У России в отличие от Саудовской Аравии есть еще интеллектуальный и научно-промышленный потенциал. Поэтому соединить то, что есть у нас и в Саудовской Аравии, с тем, чего нет у Саудовской Аравии, — это и есть та задача, которая позволяет в какой-то мере ставить вопрос об усилении влияния России именно как энергетической державы. И такая постановка вполне правомерна. Сегодня же мы как бы фиксируем лишь наличие ресурсов. Поэтому сама по себе вышеназванная задача с точки зрения постановки вопроса имеет право на жизнь, но не как констатация нынешнего положения России в мире.

Ситуация в энергетике сегодня такова, что если мы выбираем какую-то стратегию, то необходимо сразу ставить задачу не просто инновационной активности "по мелочовке", а перехода к новым технологическим принципам. Такие технологические принципы в энергетике достаточно определились: это вопросы, связанные с водородной энергетикой, с переходом на комплексный энергоноситель. Сегодня уже обсуждалась проблема сжиженного газа. Почему? Потому, что новый энергоноситель позволяет перейти к новой инфраструктуре. Его получение влечет за собой изменение систем транспортировки, изменение работы электростанций, системы генерации энергии, развитие трубопроводной системы и т.д. Это целый технологический шлейф, который позволит загрузить промышленность и выйти на совершенно новый технологический уровень. Именно это и будет превращать Россию в "энергетическую державу", причем не как обладательницу сырья. Россия может и должна показать миру современный уровень энергопроизводства, энергопотребления и энергоразвития.

Сегодня все говорили о водороде. Да, в принципе наиболее экологически чистым является водород. Сегодня существуют условия, когда во-

дород отделяется от углерода, причем углерод является более ценным производством для углепластиков, чем собственно водород. Фактически производство энергоносителей покрывается за счет цены того, что является как бы отходом и "коптит небо". Такого типа технологии существуют. Это позволяет ставить вопрос о развитии газохимии в Российской Федерации. Сегодня у нас в качестве химического сырья используется лишь 1,5 процента газа. Я уж не говорю о том, что у нас 95 процентов газа сжигается. И рано или поздно сжижение газа станет задачей, потому что без этого мы не сможем обеспечить наше энергоснабжение. Короче говоря, здесь для технологических новинок и для вложения денег широчайшее поле.

Здесь есть и потенциал. У нас фактически не загружен оборонно-промышленный комплекс, который мог бы стать хорошей базой для того, чтобы перейти на новый технологический уровень в энергетике.

Это потребует решения задач государственной важности — в частности, решения такой задачи, как разработка и реализация комплексной программы изменения топливно-энергетического баланса страны. Этот комплекс включает в себя интеллектуальный потенциал, хороший технический потенциал, новые методы и технологии, инновационные проекты и программы, высокотехнологическое производство и модернизированную инфраструктуру. Существуют соответствующие разработки. Где-то такого типа программы применяются в инвестиционном планировании на 15 лет. Как ни парадоксально, это инициатива частных компаний. Хотя это задача государственная, но именно частные компании вкладывают деньги для того, чтобы генерировать эти инициативы. Разработки позволяют выйти не просто на этап усовершенствования, они позволяют сформировать в России энерготехнологические кластеры, где имеется полный цикл — от "мозгов" до производства. Сюда входят новые технологии потребления, хранения, снабжения, криогенное производство, газификация. Твердое топливо можно ведь газифицировать. То есть здесь возникает масса инновационных производств. Что в этой ситуации делать? Конечно, мы живем в реальной ситуации, есть энергосектор, который требует его поддержки и обустройства. Но здесь нужно сбалансировать оптимизационную стратегию, чтобы и производство улучшить, и перейти к инновационной стратегии. Сама оптимизационная стратегия должна стать основой для того, чтобы дать возможность сформировать потенциал инновационного развития и в конечном счете поднять инновационный сектор топливно-энергетического комплекса.

По поводу государственно-частного партнерства. Хотел бы сказать несколько слов о распределении усилий участников этого партнерства. Если говорить о переходе на новые технологические принципы как о го-

сударственной задаче, то государство должно выбрать и сами принципы, и какие-то программы, базовые технологии. Это программа ведомственных бизнес-групп типа "Газпрома" и нефтяных компаний. Перспективные разработки — это венчурный бизнес, инновационные проекты и частные инвесторы. Потому что идти с идеей к частным инвесторам нельзя, нужно разделить уровни и найти их комплексное решение.

Постановка таких амбициозных целей формирует соответствующую атмосферу в обществе. На уровне политических лозунгов я бы сформулировал задачу так: от консервации сырьевой специализации необходимо перейти к инновационному развитию топливно-энергетических комплексов, от экспорта сырьевых ресурсов мы должны перейти к экспорту энерготехнологий. От импорта ширпотреба — к импорту мировых достижений в сфере энергетики. От "утечки мозгов" — к формированию центра науки мирового значения в России. Это психология не рантье, а глобального энергетического лидера. Но мы никогда не станем глобальным энергетическим лидером, если психологически к этому не готовы. Сегодня же у нас сформировалась психология рантье. И нужна политическая воля, чтобы изменить ситуацию.

И последнее. Существует прогноз, что примерно к 2030 году потребность в энергоресурсах возрастет в полтора раза. Ближний Восток и все остальные регионы проблематичны. И зоной геополитических, геоэкономических интересов становится Арктика. В Арктике "нас очень много". Мы ею владеем, но это, вообще говоря, неотрегулированная зона. Сегодня Соединенные Штаты сняли мораторий на свою деятельность в Арктике. Начинается давление: Россия, мол, ни себе, ни другим дороги не даст. Не подвинуться ли ей? Поэтому, мне кажется, часть денег Стабилизационного фонда надо потратить на реализацию существующих проектов информационного коридора, проектов транспортного развития Севера. Следует хотя бы обозначить там наше присутствие. Через некоторое время Арктика станет зоной геополитического, геоэкономического конфликта. Вот куда можно с пользой вложить средства Стабилизационного фонда, чтобы решить проблемы экологической безопасности будущего и подкрепить свои устремления в области энергетики.

С. Кортунюв. Спасибо, Владимир Арсеньевич, за блестящее выступление. Мне кажется, что доклады Сергея Юрьевича Глазьева и Владимира Арсеньевича Рубанова дополняют друг друга. Их выводы можно было бы обобщить в аналитическую записку и направить даже "за зубцы".

А. Мудрецов. Что касается "энергетической сверхдержавы", то, думаю, это чья-то мания величия. Наверное, термин придумали политологи, а журналисты его подхватили. В этом термине закрепляется в какой-то степени то положение, что мы являемся сырьевой державой, что

для нас не очень хорошо. Когда я сюда шел, то думал, что разговор будет идти вокруг раздробления нашей энергетической системы. А все говорили о том, что наступила эпоха транснациональных компаний, глобализации, постиндустриализации и т.д. Но никто не сказал, что же у нас творится с энергетикой. А мы стоим в одном шаге от того, чтобы собственную энергетику угробить, раздробив ее на 500—600 мелких предприятий. Наши господа "сверху" будут вступать в конкурентные отношения, и на этом весь рынок будет вертеться. Я не понимаю, как можно в XXI веке мыслить категориями свободного рынка Риккардо. Господин Кудрин плачет, что нас инфляция душит. Но он сам эту инфляцию и порождает. И получается парадоксальный факт: мы живем на стадии раннего капитализма. Президент Рузвельт в период кризиса в Америке был сторонником создания мелких предприятий, которые конкурировали между собой и в какой-то степени подняли Америку. Но то, что было приемлемо в 30-е годы прошлого века, в наше время выглядит анахронизмом. Во главе угла современной экономики стоят такие огромные компании, как "Газпром".

Государство — это слепок общества, и мы должны контролировать государство и наших правителей, обращаться к ним со своей критикой, с предложениями. Конструктивная критика — это вещь хорошая, и я думаю, в конечном счете все станет на свои места. Наша беда в том, что мы все время (и при советской власти) пытались догнать и перегнать Америку. А этого не надо было делать. Академик Львов говорил, что мы не могли догнать и перегнать Америку потому, что самый северный город Канады Эгмонтон находится на широте Курска. Там и урожайность совсем другая, а у нас о каких-то 70 центнерах с гектара не могло быть и речи. Чтобы догнать Америку, нам нужно около 18 тонн условного топлива на человека, а у нас получается только 8. Значит, и здесь у нас не так все хорошо. У нас другие природно-климатические условия, и нам нужно всего больше, чем в более теплых регионах. Поэтому не надо нам слепо копировать все то, что есть на Западе. Нам нужно идти собственным путем, осознавать собственные трудности, собственные возможности, тогда у нас все получится.

С. Кортупов. Для профессионального энергетика разговор сегодня, возможно, кажется недостаточно профессиональным, но наш замысел состоял в том, чтобы посмотреть на энергетическую проблему в комплексе, а не только с точки зрения сугубо энергетических проблем. Но, естественно, приветствуется Ваше предложение собрать хороших экспертов и изготовить совместный продукт.

А. Конопляник. Мне кажется, наш конкурентный недостаток в энергетике может быть преобразован при правильной политике в наше конкурентное преимущество. Если сравнить Россию и Саудовскую Аравию, то,

безусловно, мы имеем на рынке энергоресурсов конкурентный недостаток — мы заперты, скажем так, в "медвежий угол" между центрами потребления. Мы работаем в тяжелых условиях. В Саудовской Аравии, как правило, не применяют те передовые технологии, которые мы вынуждены применять. Поэтому коэффициент нефтеотдачи в Саудовской Аравии — 25 процентов. А у нас — намного выше. Но то, что мы находимся в тяжелых условиях, может быть либо дополнительным риском и сдерживать развитие новых технологий, либо при адекватной политике стать стимулом к технологическим прорывам. Я вспоминаю историю развития морской нефтедобычи, когда "рванули" с глубин 200 метров на глубины больше 1000 метров. И это привело к множеству позитивных последствий для многих отраслей. Можно вспомнить другие крупные технологические проекты (манхэттенский, наш проект создания атомной бомбы, комплексные технологические проекты), которые повлекли за собой комплекс позитивных изменений для всех отраслей. Поэтому можно трансформировать наш конкурентный недостаток в конкурентное преимущество. А без инвестиций никуда не денешься. То, чем я занимаюсь, — один из инструментов стимулирования инвестиционной деятельности.

И реплика к тому, что говорил Сергей Юрьевич. Согласен со всем тем, что было сказано. Но прозвучала в конце фраза о том, что не нужно брать на себя никаких обязательств, которые могут трактоваться по-разному. И если это будет трактоваться таким образом, что не надо давать четких сигналов инвесторам с точки зрения инвестиционной политики то какая это будет политика? Это будет увеличивать инвестиционные риски, приводить к удорожанию издержек, к тому, что мы будем утрачивать конкурентоспособность. Здесь есть поле для продолжения нашей дискуссии.

С. Глазьев. Я призываю не брать обязательств, в смысле не делать для мирового сообщества ничего такого, что связало бы нам руки в дальнейшем, не более того. С точки зрения инвестиций есть момент, связанный с доступом к нашим недрам. Я бы не стал брать обязательств перед иностранцами открыть доступ к нашим недрам без всяких ограничений. Кстати, вопрос стоит ребром, на "восьмерке", думаю, заявление нашего Президента об особой миссии России именно так будет интерпретировано: давайте мы вам поможем деньгами и технологиями, а вы нам дайте доступ к вашим недрам. Тем более, что вы вступаете в ВТО. И Энергетическая хартия на эту тему фиксирует некоторые условия работы. А мы — в ситуации неопределенности, мы толком не знаем, сколько стоят наши недра. Если мы сейчас откроем доступ, то можем потерять большие конкурентные преимущества в будущем. Нельзя, скажем, брать обязательств поставлять газ с какими-то смутными условиями ценообразования. Да,

мы гарантируем поставки газа. Но какие будут цены, мы не знаем. Я имею в виду обязательства, которые невозможно толком просчитать. Вот таких обязательств брать не надо.

А. Конопляник. Договор к Энергохартии и не требует, чтобы любая страна открывала доступ к недрам. Есть статья 18 по природным ресурсам. Это самая жесткая защита национального суверенитета любой страны. Но уж если мы решим допустить, то тогда договор будет требовать, чтобы были обеспечены равные условия и для иностранных, и для отечественных компаний.

С. Глазьев. Я же прямо сказал о принятии закона о недрах в нынешней редакции в сочетании с хартией. Если бы закон о недрах был другой, не было бы проблем. А он именно такой, как есть. Опасность представляет гражданский оборот прав недропользования. Если мы никак не ограничим доступ иностранного капитала, то он скорее всего вытеснит нас в силу того, что у него гораздо больше финансовых возможностей.

А. Конопляник. Это полемика, которую мы вели еще в середине 1990-х годов. Я понимаю, что не всех могут устраивать формулы, которые установлены для долгосрочных контрактов. В основном это формулы ценообразования. Но это тот инструмент, который востребован финансовым сообществом, независимо от освоения российских месторождений, любых других новых месторождений. Пока эффективного инструмента освоения этих месторождений нет, как нет и инструмента освоения капиталоемких проектов, которые требуют большого периода окупаемости. Если появится более эффективный заменитель контрактных инструментов, который будет минимизировать риски для всех — и для производителя, и для потребителя, то мы сможем его внедрить. Альтернативы формулам долгосрочных контрактов пока не придумали. Фиксированных цен там, естественно, нет. Это все осталось в 1960-х годах: привязанность к ценам, фьючерсным котировкам. Была одна замечательная мысль в твоём докладе: финансовые спекулянты в период взлета цен стали перетекать с финансового рынка на рынок нефтяной.

А. Коновалов. Мне не хочется, чтобы у нас осталось ощущение приближающегося неминуемого краха американской экономики и взлета и полной конвертируемости рубля. На мой взгляд, доллар держится не только ценными бумагами американского государственного казначейства, а процентом мирового ВВП, который приходится на долю американской экономики. Вы назвали те страны, которые эмитируют мировую валюту. А это страны, у которых крупнейшие объемы ВВП! Нам с нашим объемом претендовать на право эмитента вряд ли возможно. Конечно, напечатать свою валюту можно, но только кто же ее купит?

С. Глазьев. Хочу ответить. Объем золотовалютных резервов, который в данном случае является мерой возможностей денежной политики, у нас немалый. Швейцария — очень маленькая страна, но франк берут везде. А раньше, пока не ввели евро, брали и валюты других европейских стран. Так что здесь есть возможность. Ее можно использовать, а можно не использовать. Я считаю, что надо использовать.

Ю. Болдырев. Очень короткая реплика. Здесь много политологов-дипломатов. Нужно четко помнить, что мы обсуждаем вопрос, по которому интересы стран противоположны — у нас и у тех, с кем мы будем обсуждать этот вопрос на "восьмерке". Вы не найдете в мировой истории примера, когда развитый мир целенаправленно развивал бы те страны, в которых он черпает ресурсы. Мы должны очень четко для себя это зафиксировать. Ведя переговоры, надо осознавать, что наши интересы противоположны. И мы должны искать, где они сходятся. Но за каждую уступочку, за каждую позицию мы должны выторговывать то, что нам стратегически необходимо. И не из чисто экономических, а из стратегических соображений.

С. Левин. Думаю, что тема электроэнергетики чрезвычайно мало отражена в сегодняшних выступлениях. По-моему, имеет смысл отдельно ее обсудить, потому что мы недооцениваем те опасности, которые нас подстерегают.

По поводу Стабилизационного фонда. Мне кажется, что Сергей Юрьевич очень интересно поставил вопрос конвертируемости рубля. Конвертируемый рубль — это новые возможности для финансовой системы России. Сергей Юрьевич, что, по Вашему мнению, мешает сделать рубль конвертируемым? Он уже частично конвертируемый. Как сделать его мировой валютой? И что, собственно говоря, влияет на это? Влияет ли, например, то, что средства Стабилизационного фонда фактически размещены в американских долларах или в американских ценных бумагах? Как влияет на рубль ситуация, которая существует вокруг нашей энергетики, как она влияет на мировую валюту?

С. Глазьев. Вопрос простой и сложный одновременно. Он простой с точки зрения технологии реализации, потому что здесь достаточно признания рубля международной валютой со стороны европейских "денежных" властей. Европейский центральный банк создаст необходимые правовые условия для того, чтобы европейские коммерческие банки начали работать в рублях. Какую долю мы отвоюем себе, это покажет наш платежный баланс. Но если мы сейчас на "восьмерке" поставим наших партнеров в известность, что мы хотим перейти к торговле энергоносителями за рубли, то при том огромном положительном сальдо нашего торгового баланса, основанного на экспорте углеводородов, моментально появится

огромное количество коммерческих банков, желающих иметь рублевые счета. И они будут рубли накапливать. Кстати, таким образом во многом снимается проблема вывоза капитала. Потому что одно дело, когда мы вывозим нефтедоллары, а другое дело, когда мы разрешаем использовать рубли в международных расчетах. Негатив вывоза капитала в рублях полностью снимается в отличие от вывоза капитала в валюте. При таком подходе, если Европа признает рубль в качестве валюты, используемой в наших расчетах, за СНГ дело не станет. Мы фактически очень быстро можем создать зону использования рубля на всем евразийском пространстве, включая наших торговых партнеров на Дальнем и Ближнем Востоке. Главная проблема — очень вялая политика Центрального банка. Нужна просто политическая воля и договоренность. Нас хотят заставить стать слаборазвитой страной без своей валюты. Скажем, арабы тоже могли бы обеспечить признание своих валют в качестве международно используемых и торгуемых. Но американцы и англичане заставили их работать в фунтах и долларах. И даже на евро не разрешают им перейти. За валюту надо сражаться, за право использовать свою валюту в качестве международной нужно бороться.

У нас сегодня очень выигрышное положение. Второй раз, между прочим, складывается такая ситуация, третьего может и не быть. Первый раз это было, когда евро упал сразу после его введения. Р. Проди сюда в панике приезжал и просил: давайте перейдем на евро, продавайте ваши энергоносители не за доллары, а за евро! Мы очень в этом нуждаемся! У меня с Р. Проди был разговор. Я ему предложил: давайте будем торговать в национальных валютах — в евро и в рублях. Он сказал: прекрасно, мы согласны. Через три дня, когда он уезжал, я с ним встретился, и он говорит: "Знаете, вашу идею никто не высказал ни в Центральном банке, ни в Министерстве финансов, ни у Президента. Никому это не надо. Давайте тогда уж в евро". А евро стабилизировался. Р. Проди приезжал сюда за месяц до сложения полномочий председателя Еврокомиссии. На мой вопрос о том, готова ли Европа перейти к использованию рубля, он сказал, что это проблема России, Европу этот вопрос мало волнует. Сейчас если мы скажем: хорошо, подтверждаем обязательства по газу на долгосрочной основе. Но за рубли! Они вынуждены будут согласиться! А через пять лет, когда они получат альтернативных поставщиков газа, разработают технологии дешевого сжиженного газа и спрос на энергоносители уменьшится, — все, поезд опять уйдет, и мы останемся "при своих".

П. Фенгельгауэр. У меня очень короткое замечание на заявление господина Болдырева о том, что нет в истории примеров, чтобы страна, которая была источником сырьевых ресурсов, помогала развитому миру. Примеров таких очень много. И самый яркий из них — это Соединенные

Штаты Америки, которые весь XIX век и немалую часть XX века были сырьевым придатком Европы, во всяком случае, основным поставщиком сырья в самую развитую индустриальную страну Европы — в Англию. При этом английские капиталы и технологии помогли развить Соединенные Штаты. Не надо выискивать закономерности там, где их нет. Есть разные возможности в политике.

С. Глазьев. Они же не индийцам помогали, а сами себе. Создали колонию и ее заселили.

С. Кортюнов. Мы, как всегда, не исчерпали тему энергетической безопасности. С учетом того, что 2006 год — это год энергетики, мы, наверное, неоднократно будем возвращаться к этой теме. И у нас фактически уже сформулировано домашнее задание. Юрий Болдырев сказал, что необходимо заслушать и другую точку зрения по поводу Энергетической хартии. А второе домашнее задание сформулировал Сергей Левин, который сказал, что необходимо продолжить разговор об электроэнергетике. Обсудим это на наших будущих заседаниях.